

ОСОБЕННОСТИ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА В ТВОРЧЕСТВЕ И. ИЛЬИНА

Т. Г. Человенко

Орел, Россия

И. А. Ильин является выразителем тех интеллектуальных традиций русской философии, которые имели свой, отличный от западноевропейской мысли, взгляд на понимание религии и ее познания. Это дискурсивно-предельное обоснование религиозных знаний и знаний о религии с опорой на персоналистический характер религиозного бытия¹, поскольку *личное восприятие* воздействия Бога на человеческую жизнь она рассматривала, по справедливому замечанию К. М. Антонова, как факт не менее достоверный, чем чувственный опыт.

Познакомившись с философскими новациями начала XX в. во время научной командировки в европейские университеты, Ильин заинтересовался новым тогда направлением – феноменологией, восприняв ее как путь к познанию безусловности². Безусловное – это то общее, что объединяет философию и религию, считал мыслитель, ибо «философствующая душа и религиозно-верующая душа одинаково живут в безусловном. Но живут по-разному»³.

Свою рефлексию сущностных оснований религиозного опыта Ильин выстраивал как феноменологический дискурс, поскольку «философское исследование предмета через интенсивное и самоотверженное погружение души в его внутреннее переживание есть *феноменологическое исследование* (сущность предмета по-

---

¹ Человенко, Т. Г. Русская религиозная философия и западноевропейская феноменология // *Личность. Культура. Общество* / Т. Г. Человенко. – 2008. – Т. X. – Вып. 5–6 (44–45). – С. 339–346; Человенко, Т. Г. Проблема предельного обоснования знаний о религии в русской религиозной философии // *Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право Общество* / Т. Г. Человенко. – 2010. – № 8(79). – Вып. 12. – С. 73–80.

² Лисица, Ю. Т. И. А. Ильин как философ предметных обстоятельств и их духовного смысла. Истоки феноменологии и ее метода / Ю. Т. Лисица // В кн.: Ильин И. А. Философия как духовное делание. – М., 2013. – С. 7–46.

³ Ильин, И. А. Философия как духовное делание / И. А. Ильин. – М., 2013. – С. 161.

знается по его явлению)»¹. Здесь он увидел возможность познания «предметного обстояния», т. е. того, «что в нем объективно есть»².

Ильин и в своем мировоззрении, и в особенностях своего мышления относился к религии и религиозным феноменам как к «объективной реальности». Поэтому нет ничего удивительного, что являясь свидетелем возникновения и становления трансцендентальной феноменологии, поняв ее ценность для философии, он остался сторонником идеи объективизма религиозного опыта. Ильин применяет феноменологическую редукцию к опыту переживания религиозного чувства православно-верующим человеком. Он пишет: «Когда я говорю о «субъективности» религиозного опыта, то я отнюдь не имею в виду его метафизическую или мистическую *необъективность*. Сама идея о том, что все *субъективное только субъективно и не имеет объективной реальности* – осталась в философии в виде наследия от Иммануила Канта..., которая внесла в философию немало смуты и затруднений...»³.

Главной особенностью феноменологического дискурса Ильина является его стремление дополнить односторонний анализ углубляющим рефлексивным синтезом. Критикуя современную ему философию за гносеологические излишества, – «понятие прожило свое богатство, износилось и протерлось внутренне до дыр», – он искал нового содержания и новых понятий, способных «к неизмеримой полноте и глубине духовной жизни»⁴. Он «исповедовал» ту философию, которая *не погибнет* в иррациональном, а впитает его и расцветет в нем и с ним. «Философия должна вспыхнуть и развернуть неизмеримые недра в себе, не порывая своего родства с наукой, т. е. сохраняя в себе борьбу за доказательность и ясность, – писал он. Вне этого ей остается или мучительное умирание на школьных станках, или захлебывание в набегавшей пене эмпирической религиозности. Пустословие заразившегося

---

¹ Ильин, И. А. Философия как духовное делание / И. А. Ильин. – М., 2013. – С. 79.

² Там же.

³ Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. – М., 1993. – Т. I–II. – С. 45.

⁴ Ильин, И. А. Собрание сочинений: дневник, письма, документы (1903–1938) опыта / И. А. Ильин. – М., 1999. – С. 45.

рационализма и пышнословие самодовольного православия – вот полюса ее гибели. *Душа моя тоскует по синтезу глубины переживания с победною кристалльностью формы...*» (выд. Т. Ч.)¹. Для Ильина такой синтез представлял собой достоверный путь к дискурсивному исследованию религиозного феномена, который вызревал у него в условиях неприятия им рационалистической (субстанциональной) объективируемости религиозного опыта.

Поэтому и интенциональность он понимал не как свойство интеллекта и сознания, а шире, как *религиозно-жизненную направленность*. «В этом первая и основная задача религиозного «метода», – ибо направленность к Богу, ее постоянство, устойчивость, подлинность и чистота образуют самую сущность настоящего религиозного акта. Эту направленность, – говорит Ильин, – я буду в дальнейшем обозначать латинским словом «*религиозная интенция*»...»². Более того, слово интенция, по его мнению, выражает не только целевую направленность, но и ее напряженность: «Религиозная интенция есть обращенность души к Богу и притом постоянная, устойчивая, не ослабевающая и не исчезающая, обращенность, способная сосредоточиваться, разгораться и достигать высокого напряжения»³.

Приобщение к трансцендентному достигается такими интенциональными эмоциональными актами, как непосредственное созерцание и переживание, наивысшее и самое плодотворное из которых, по мнению Ильина, любовь. Являясь, прежде всего, существом любящим, человек обретает способность к подлинному постижению сущности предметов и бытия, становится потенциально способным, несмотря на собственную конечность, к бесконечному расширению границ собственного бытия. Это и есть феноменологическая интерпретация святоотеческого понимания любви, которое говорит, что «любовь есть, если попытаться обнять определением, всецелая внутренняя связь с Первым Благом и с всеобщим Промыслом о естестве всего рода [человеческого]»⁴.

---

¹ Ильин, И. А. Собрание сочинений: дневник, письма, документы (1903–1938) опыта / И. А. Ильин. – М., 1999. – С. 46.

² Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. – М., 1993. – Т. I–II. – С. 180.

³ Там же.

⁴ Преп. Максим Исповедник. Послание к Иоанну Кубикулярию о любви // Творения преподобного Максима Исповедника. – Кн. 1: Богословские и аскетические трактаты. – М., 1993. – С. 150.

Поскольку «... любовь сочетает собою Бога и обладающих ею людей, позволяя Творцу человекoв являться как человеку...»¹, она и позволяет человеку выйти за пределы личного бытия в сферу трансцендентного, отвечая на его призыв, подчеркивает Ильин.

Мыслитель описывает «чистое» содержание религиозного опыта, ставя перед собой задачу вычленения его аксиом. Под аксиомами он понимает необходимое содержание всех существующих религий, «основы подлинной религиозности вообще», «непоколебимый критерий ... «пневматический» и «актологический»². При этом Ильин сознательно отказывается от обращения к догматическим, литургическим и каноническим аспектам религиозных традиций, которые представляют собой содержательную сторону религиозного опыта. Из вычлененного им перечня аксиом особое внимание он уделяет аксиомам цельности веры и сердечного созерцания, поскольку именно они определяют наиболее существенные особенности религиозного опыта.

Но его феноменологический подход к религиозному опыту своеобразен: «человеку следует искать себя не среди вещей и объектов, о которых он мыслит, а в той «субъективной» глубине, которая сама спрашивает, испытывает, желает, мыслит, воображает и чувствует. А в этой «субъективной» глубине своей человек есть живой, личный дух».

Ильин реконструирует антропологические структуры глубинной религиозности человека. Для него отправной точкой в описании религиозного опыта есть его человеческий, субъективный и личный характер: «религия как человеческое состояние есть, прежде всего, религиозный опыт. Она существует в тех формах, которые присущи самому человеку; иными словами: способ бытия, присущий человеку, передает религиозному опыту свои свойства и законы. Категории человеческого существования, определяющие способ бытия, присущий человеку (*modus essendi hominis*), неизбежно сообщаются религиозному опыту и определяют тот способ бытия, который присущ земной человеческой религии (выд. Т. Ч.). ...И если человеку дано быть на земле «субъектом» и «личностью», то и религиозный опыт должен

¹ Преп. Максим Исповедник. Послание к Иоанну Кубикулярию о любви // Творения преподобного Максима Исповедника. – Кн. 1: Богословские и аскетические трактаты. – М., 1993. – С. 150.

² Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. – М., 1993. – Т. I–II. – Там же. – С. 36–37.

обладать всеми условностями и опасностями «субъективизма» и всей свободой и ответственностью личного начала»¹.

Поэтому «субъективность» земного человека и субъективность его существования – это и есть первый аксиоматический закон религиозного опыта². Важно, подчеркивает Ильин, подготовить наше внутреннее жилище для Духа Божия. Этот первый закон мыслитель описывает следующим образом: «Человеческий субъект есть как бы «шахта», в которой хранятся возможные «залежи» еще не раскрытого религиозного опыта. Или иначе: он есть то душевно-духовное «пространство», в котором надо насадить «религиозный сад». Субъективно-личный человек несет в себе именно тот тлеющий и гаснущий «уголь», к которому взывает Огонь божественного откровения и который должен разгореться в религиозное пламя ...»³.

Поскольку дух понимается Ильиным как сила личного самоутверждения в человеке, то и восприятие трансцендентного происходит через восприятие человеком «своей *личностной самосутности*, в ее предстоянии Богу и в ее *достоинстве*»⁴. Он подчеркивает: не в смысле рационалистического «осознания» состояний своего тела и своей души и не в смысле инстинкта, а именно в смысле «со-причастия» Божественной личности. Отсюда его уникальное понимание религиозности, которая, по его мнению, может быть присуща только тому, «*кто живет измерением объективного совершенства*».

Ильин придает религиозности экзистенциальную окраску. «Не всякий человек, произносящий слово «лучше» и «хуже», – говорит он, – живет на уровне религиозности, но только тот, кто признает *объективно-лучшее* и *объективно-худшее*, и притом не в смысле «выгоды», «пользы», житейской или политической «целесообразности», а в смысле *духовно-качественного измерения* совершенством; – только тот, кто понимает объективное преимущество объективно-лучшего и придает этому преимуществу, – подчеркивает он, – *субъективное наполнение и оживление*. Никакая *чисто личная или условная* ценность, сколь бы «любезной»

---

¹ Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. – М., 1993. – Т. I-II. – С.40–42

² Там же. – С. 50.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 51.

и «интимной» она ни казалась человеку, – этого уровня не создаст»¹.

Религиозный опыт «одинок», подчеркивает Ильин. Он приобретает, вынашивается и изживается в человеческой душе, *изолированной по способу ее земного бытия* (выд. – И. И.). «В конечном счете человек живет всегда один-на-один с собой, предоставленный себе самому на свое духовное усмотрение, постижение, обращение, решение, очищение и просветление; или же – на свое разнуждание, ожесточение и погубление..., т.е. человек конститутивно, по самому устройству существа своего – одинок... Приятие одиночества – есть проявление духовного мужества и силы, есть условие религиозной зрелости, источник самостоятельности и целостного религиозного характера...»².

Ильин говорит о нормативном значении религиозного одиночества, поскольку заменить его самостоятельный характер ничем нельзя. Другими словами, нет «общего религиозного опыта». Если этот «общий опыт» и существует в действительности, но не в виде общих переживаний, которых нет, а в виде общих религиозных предметов, содержаний (догм), книг (Писание), правил, обрядов и т. д., религиозный доступ к которым можно найти только через *субъективно-личные переживания*, которые феноменологически универсальны, но экзистенциально уникальны, добавляем мы.

Субъективность религиозного опыта Ильин понимает не в смысле отрицания Церкви и ее традиции. Религиозные сокровища/дары – «предметы», тексты, вещи, смысла и правила, т. е. то, что на языке религиоведения называется религиозными феноменами, – это еще не живой опыт религиозности, а скорее ее «содержание». «Священные «кристаллы Откровения», по Ильину, не субъективны и не личны, но они *требуют субъективного восприятия и опыта*»³.

Обращает на себя внимание и трактовка Ильиным такого специфического духовного акта, как акт идеации. Вполне в духе русской религиозной философии, для которой идеация есть скорее идеацированное переживание, Ильин считает, что акт идеации отличается от интеллектуальной деятельности. Если последняя

---

¹ Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. – М., 1993. – Т. I–II. – С. 69.

² Там же. – С. 48–49.

³ Там же. – С. 48.

опирается на методы позитивной науки, то первому открывается сущность явлений как таковая. Идеация наиболее точно характеризует человека как духовное существо, поскольку она есть способность человека к постижению чистой, отделенной от существования сущности. Но он сопрягает тему сущности и существования, отмечая, что «*воля к Совершенству* есть основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности», а «*религиозный опыт есть опыт Совершенства, приобретаемый на путях сердечного созерцания*»¹.

Можно сказать, что «субъективизм» религиозных переживаний Ильин интерпретирует, оставаясь на позиции философского и теологического объективизма, в парадигме философско-антропологической традиции². Навряд ли Ильина можно обвинить в психологизме, даже если мы обратимся к его рассмотрению сферы «чудесного» и «таинственного». Ильин ближе, скорее, к Р. Отто, вычленяющему в религиозном переживании *mysterium tremendum* и *mysterium fascinans*³, но делая акцент на чувстве благоговения и сопричастия Божественной тайне.

Отличительной чертой Ильина является его постоянное апеллирование к восточно-христианской метафизике, но не только потому, что здесь он видит наиболее совершенное осуществление сущности религиозного опыта. В экзистенциальном характере богословия, которое характерно для Православия, просматривается то единственно возможное рефлексивное пространство, которое позволит нам понять нечто о сущности религиозного опыта.

В заключении хочется отметить, что Ильин стремился экзистенциально-феноменологически объективировать религиозный опыт, реализуя свой замысел философского синтеза. Философ рассматривает проблему отношения человека к Богу через синергию – «со-действие», «со-участие» Духа в духе, а единение человека с Богом – не как «субстанциальное тождество», а как приятие Божией благодати. По мнению Ильина, религиозный

¹ Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. – М., 1993. – Т. I–II. – С. 56.

² Микешина, Л. А. О значении философско-антропологического дискурса в философии познания / Л. А. Микешина // Философия познания. – М., 2002.

³ Отто, Р. Священное: об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто. – СПб., 2008.

опыт – это есть неустанное усилие человеческого духа сделать все для того, чтобы стать способным и достойным воспринять Откровение; там, где нет воли к этому, считает Ильин, где нет этих усилий, человек остается в первобытной естественности, глухо слепой для сверхъестественной тайны Божией. «Религия есть не только дело нисходящего Бога, но и дело восходящего человека («синергия»)»¹.

Феноменологический дискурс Ильина во всей его уникальности и значимости для современных теоретико-методологических поисков «науки о религии» требует своего дальнейшего исследования и осмысления. Но уже сейчас понятно, что Ильин продолжал традицию русской религиозной философии в своем стремлении соединить теологический объективизм с феноменологическим подходом к религии. В результате сложился его уникальный тип философствования, который вобрал в себя восточно-христианскую метафизику с характерным для нее апофатизмом личности и обращением к экзистенциальному пространству религиозного опыта.

---

¹ *Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. – М., 1993. – Т. I–II. – С. 176.*